

Жаба вылетела из комнаты Мито, доставив его тонкий сверток и видимо не желая ждать ответа. Едва она вытащила многостраничное послание из его уст, как он рассеялся, оставив ее в подвешенном состоянии. Она знала, что уже какое-то время умоляла отца навестить ее или позволить ей вернуться домой, сдерживаемая, но да ладно!

Ладно, может, с него достаточно после трех лет моего дерьма, сказала она себе. Она еще раз поклялась дать отцу передышку на некоторое время, закрыв глаза в чем-то между молчаливой яростью и напоминанием себе о том, что нужно быть разумной, когда открыла сообщение. На этот раз печати не было, и теперь она достаточно хорошо знала почерк отца, чтобы видеть, что письмо было сделано в спешке.

Она улыбнулась второй красочной странице, приложив руку к сердцу. Казалось, Наруто-тян стал еще лучшим художником. Это был «абстрактный» рисунок пальцами ярких цветов, хотя она была почти уверена, что на нем он изображен держащимся за руки с кем-то повыше. Может ли это быть она? Это было бы здорово, но Мито часто задавалась вопросом, знает ли ее младший брат что-нибудь о ней – знает ли он вообще о ее существовании.

Что ж, если бы он этого не сделал, маленького Наруто ждал бы настоящий сюрприз, не так ли?

А на фото была собака? В углу картины определенно было что-то коричневое и синее. Возможно, это была белка.

Повернувшись к сообщению отца, она вздохнула, полагая, что это произойдет. Они обсуждали это более шести месяцев.

Милая,

я хотел бы спросить, как твои дела, но я продолжаю получать жалобы на использование тобой ниндзюцу от Лорда Чукаку. Тебе нужно сосредоточиться только на своем ирё-ниндзюцу, дорогая.

- «Дорогая». «Хех», — саркастически усмехнулась Мито. Они могут поцеловать меня в задницу. Как будто я не работаю по своей (прежней) специальности и как будто довольствуюсь ролью обычного ниндзя-медика!

Уничтожение деревьев — это то, чего монахи не будут соблюдать, и если вам иногда нужно практиковать свое ниндзюцу, я бы посоветовал использовать реку или озеро сразу за линией деревьев, ближайшей к вашему зданию. Это если еще остались деревья!

— «Ух: папин юмор», — сокрушалась Мито, закатывая двухцветные глаза. Хм: он только что сказал ей не использовать ниндзюцу в предыдущем предложении, а затем рассказал ей, как это сделать, даже не скрытно. Это ниндзя, а не родительское мышление. Все взрослые в ее жизни думали так же, поэтому было удивительно, что она вообще знала, что родителям нужно быть последовательными, воспитывая ребенка. - Не то чтобы она была ребенком. Также было бы удивительно, если бы Наруто-чан не оказался манипулятивным ребёнком, если бы Отец не наказывал его эффективно.

«Устрой ему ад ради меня, Наруто-чан», — прошептала она вслух, шутливо хихикая про себя — вроде того.

Я говорил с мадам Шиджими, и она согласилась, чтобы вы явились в суд.

«Черт возьми», — воскликнул Мито, отчаянно желая разбить что-нибудь на мелкие кусочки.

Она случайно разорвала сообщение пополам и положила его на стол, когда не смогла разжать кулаки, не обращая внимания на то, что сообщение было поверх очень взрывоопасных печатей, над которыми она работала.

Это к лучшему, и поскольку ты не проходил формального обучения куноичи.

«Я тренировалась под руководством своей крестной, сестер Сарутоби, которые были чертовски АНБУ, и вместе с урожденной Шизуне, ты, глупый Каге!»

дамы в пожарном дворе будут отличными наставниками.

- Им повезет, что я не расенганю их тупые, хилые задницы, - внутренне возмутился Мито. Понимая, что она начинает направлять чакру Кьюби, она замедлила дыхание и начала считать, зная, что скоро ей придется медитировать, чтобы держать себя в руках. - Или иди и уничтожь чертовы деревья: их там полно И они полностью окружены этими штуками.

Мито хотелось бы думать, что в остальном она была защитником природы, но в то же время она была очень злым подростком.

Не жалуйся, дорогая. Это будет всего один-два дня в неделю. Думайте об этом как о миссии, которая будет полезна не только для получения инструментов для торговли, но и для улучшения навыков проникновения, которые могут принести вам пользу в будущем. У вас будет возможность завести новых друзей, и я уверен, что женское влияние в вашей жизни - учитывая ваши нынешние обстоятельства - может стать бальзамом для вашей обеспокоенной души, если вы только позволите это.

- Засранец, - предательски подумал Мито.

Один или (не дай бог) два дня в неделю с избалованными «лордами и леди» сделают ее совершенно несчастной, и он чертовски хорошо это знал!

Если это была миссия, то за нее ей не платили, и, черт возьми, это полный отстой, что она теперь получает пособие вместо того, чтобы зарабатывать на содержание в своем возрасте и звании!

Улучшение «инструментов торговли»? Хотя ее отец, возможно, и прав в том, что любые навыки, полученные шиноби, потенциально могут помочь в будущих миссиях по проникновению, она была чертовым джинчуурики! Будет ли ее когда-нибудь использовать для таких миссий?!

«Завести новых друзей», вероятно, означало помочь ему получить больше влияния на Даймё Огня и его придурковатый суд, хотел ли ее отец признать это или нет. Мито знала из рассказов крестных родителей, что Старейшины имели там всевозможное влияние, и с тех пор, как приехала сюда, она избегала изнеженных принцев и принцесс.

«Женское влияние...» Как бы ей ни хотелось уйти от окружения только мужчин-ниндзя или обучающихся монахов-ниндзя, которые в основном смотрели на нее так, как будто она была либо жутким куском стекла, либо одним из «скромные слуги» — а именно так большинство монахов обращались с бедными девчонками, которые убирали за своими жалкими задницами — именно ее отец согласился поместить ее в такую среду.

Наконец, ей нужно было найти, допросить и, скорее всего, убить Обито. Чтобы иметь хотя бы шанс выжить, столкнувшись с ним, ей нужно было тренироваться. Ей нужен был опыт.

Она упала на свой футон и закрыла глаза, зная, что, судя по тому, что сказал ей извращенец, ей якобы повезло находиться в таком «шикарном месте», как выразился Джирайя – как если бы это было так – на время ее изгнания.

Да, Храм Огня был чертовски богат, но это было только то, что могли увидеть и испытать посторонние. Она понимала, что монахам не нравится роскошь жизни, но могла признать, что ей действительно не хватает «вещей», хотя Цунаде, Джирайя, Ороты-одзи и даже ее отец иногда присылали ей вещи, чтобы украсить ее маленькую комнату. . Больше всего на свете ей нравились работы Наруто-чан, но она также очень ценила вазу, которую Шизуне сделала для нее, некоторые украшения и вещи для волос, которые Цунаде прислала ей бог знает по какой причине: эти украшения лежали в шкатулке для драгоценностей, принадлежавшей ее отцу. подарил ей; Извращенные книги Джирайи и атрибутика, связанная с жабами, а также мягкие игрушки, которых она держала запечатанными на случай, если кто-нибудь из них появится у нее дома. (До ночи, когда она использовала их, чтобы обниматься. Часто

Еще она любила-любила-любила оружие, которое Анко-чан тайно прислала ей. А данго и яды!

- Но не столько отравленное данго. Анко думает, что она такая забавная.

Однако больше всего Мито скучал по свободе: свободе свободно тренироваться, свободе путешествовать и посещать новые и разные места и людей. В конце концов, она выросла «в дороге».

В этой тюрьме ей было отказано в свободе. Вот чем был Храм Огня.

Ей следовало прочитать остальную часть свитка, но от записки ее отца мало что осталось, а взять уже было много. По-прежнему.

Ее отец был широко известен как самый могущественный шиноби в мире и имел политическое чутье, которое предположительно было даже лучше, чем у Нидайме. Так почему же он не может сделать это, чтобы я мог вернуться домой?

Ужасные мысли, вроде той, что «он не хочет, чтобы я был там», кричали на нее, как это происходило почти каждый день, но, как обычно, она мысленно возражала против этого. (И, Ками, не дай ей спросить, что думает ее постоянный компаньон-лис: этот парень оскорбит и заставит ее сомневаться в себе, в отличие от кого-либо еще.) Она знала, что ее отцу не помешала бы помощь, по крайней мере, в воспитании ее младшего брата, поэтому он не мог. я так не чувствую, да? Наруто-тян говорил так, будто у него было много энергии, и — она улыбнулась про себя, просто подумав об этом — устно бросал вызов своему отцу за его положение, когда ему было всего четыре года.

Желание возглавить деревню было тем, чего она не унаследовала от своих родителей, но это ее вполне устраивало. Она хотела стать фронтовым боевым медиком АНБУ, каким бы невозможным это ни казалось сейчас.

«У моего деда были огромные запасы чакры, Мито-чан, и он основал наше поле», — заверила ее крестная мать, посоветовав ей не отказываться от своей мечты. «Моя бабушка тоже — по крайней мере в какой-то момент — была отличным медиком даже после того, как стала джинчуурики: я это помню! Продолжайте практиковать контроль чакры, направляйте на печать только ВАШУ чакру — и никогда не сдавайтесь... И никогда не переставай учиться», — ругалась/приказывала ее пьяная крестная мать в последний раз, когда она приходила. Боже: Цунаде-баа-чан была в плачевном состоянии, когда видела ее в последний раз. «И никогда не беспокойся о романтической любви, паршивец!»

Мито фыркнула про себя. Как будто она должна была мне это сказать . Хотя она имела дело с гормонами, как и любой подросток, и то, что ее окружали чрезвычайно здоровые молодые люди (которые, по большей части , как она кисло подумала по нескольким причинам, совершенно бескорыстны), не делало ее легче. Ее не интересовала романтическая любовь. И она никогда не могла рисковать.

Посмотри, что он сделал с мамой ...

Боже, как она скучала по даже иногда далекому присутствию мамы, когда росла как сумасшедшая!

Резко вытерев глаза, она понюхала и распечатала «Химэ», большого плюшевого слизняка, похожего на леди Кацую. Хотя это была правильная форма для сжатия, она заставляла ее еще больше скучать по призыву, который, как было подтверждено, не смог бы с ней сработать, даже если бы ее чакра когда-либо была полностью под контролем.

Она часто думала о том, чтобы снова попробовать использовать технику призыва, просто чтобы посмотреть, приведет ли она ее в другое царство призыва, но знала, что это не очень хорошая идея. На протяжении всей истории она слышала о многих шиноби, которые пробовали это, не подписав предварительно контракт, и их больше никогда не видели.

И все же это вытащит меня отсюда...

Зная, что она не сможет заснуть, она схватила страницы, лежащие в основе шедевра Наруто, и увидела, что это свитки для дзюцу молнии и воды. Хотя они были написаны почерком ее отца, у нее было ощущение, что изначально они принадлежали либо ему, либо одному из бывших Хокаге из-за сложности дзюцу рангов А и S. Оригиналы никогда бы не вынесли за пределы библиотеки Хокаге, поэтому он мог скопировать их для нее.

То-сан все еще верит в меня , сказала она себе, надеясь, что это правда. Это доказывает это, не так ли?

«Маа, нет времени лучше настоящего!» Вскочив, она запечатала плюш, бесшумно открыла и закрыла за собой дверь и снова направилась к реке. Помимо монахов, охранявших храм и близлежащий дворец, был только один человек, который бродил вокруг и имел шанс поймать ее. Он был хорош, этот парень Чирику, и хотя он никогда не сдавал ее, по ее мнению, он слишком много времени выслеживал Мито. Однако он находился на другой небольшой полянке в лесу, и река, по глупости , подумала она, плохо охранялась по ночам. Предполагалось, что и сверху, и внизу по течению были тюлени, которые защищали эту территорию, но это все равно казалось ей угрозой безопасности.

Не то чтобы Чукаку-сама прислушивался к моим предупреждениям: эта старая сексистская свинья.

Выйдя к реке, она позволила своей чакре течь вместе с водой, наслаждаясь ощущением и покоем, которые она принесла ей, несмотря на холод. Желая объединить новые дзюцу, она сначала направила свою чакру на ручные печати, необходимые для дзюцу водной тюрьмы. Заключенная в увеличивающийся пузырь воды, она попыталась вдохнуть в него воздух, и дзюцу сломалось. Она подавилась водой, которую вдохнула, и одновременно рассмеялась над собой, заставив кашлять еще сильнее.

«Глупая», — сказала она в конце концов, посмеиваясь над собой и вытирая нос и рот рукавом. «В свитке не было сказано, что я не могу там дышать, так что стоило попробовать стать

заклинателем этого дзюцу», — сказала она вслух, на случай, если кто-нибудь видел, что она сделала.

«Твоя мать больше учится на собственном опыте», — засмеялся ее отец после того, как ее мать ударила себя молнией, стоя на воде.

В то время совсем юная Мито до глупости боялась за свою мать, но отец, похоже, видел, как она делала подобные вещи в течение многих лет.

Не думайте об этом: это не поможет. «Иди обратно в Чертоги Разума, память!»

Рыжеволосая девушка огляделась, чтобы убедиться, что она одна, на этот раз смущенная. Из-за того, что она проводила много времени в одиночестве, она начала разговаривать сама с собой, просто чтобы услышать или поговорить с чем-то .

Жалко .

Сидя на воде, скрестив ноги, она повторила то, что делала раньше, только увеличивая тюрьму. Это было немного неуправляемо, но с точки зрения техники она хорошо подходила, поэтому она создала множество теневых клонов, чтобы повторить процесс. Она обнаружила, что ее чакрой было гораздо легче управлять, когда в ее действии были буквально полчища чакры, но это было немного сложно сделать, когда ей приходилось скрывать свои техники от монахов, которые даже не занимались ее тайдзюцу.

«Я поговорю с твоим отцом, если ты продолжишь эту ерунду, химэ-сама!»

«Сделай это», — сказала она себе и памяти старшего монаха, которого, к счастью, не было рядом.

Она улыбалась, получая воспоминания и наблюдая, как водные тюрьмы клонов настигают друг друга. Ее двойники, похоже, хорошо проводили время, проверяя, какой клон кого утопит. Учитывая, что все они — это я, возможно, мне следует больше беспокоиться о своем психическом здоровье . Однако не то чтобы она действительно хотела покончить с собой.

Но сражаться с самой собой? Конечно!

Протянув руку как можно глубже под воду, оставаясь при этом сверху, она начала направлять Расенган. Холодная вода отреагировала, как всегда, бурно бурля и вращаясь, пока она медленно поднимала ее на поверхность. Вдохнув дополнительную воду с помощью водяного кнута из другой руки, она направила больше чакры внутрь своего кишечника, помня, что не коснулась чакры лисы. Он очень ясно дал понять, что не будет ей помогать, и радостно пригрозил, что будет ближе к спасению, если она воспользуется его чакрой, и, к сожалению, Джирайя сказал, что это возможно. Выплеснув воду под давлением легких, она объединила ее с заболоченным Расенганом для впечатляющего результата. Оставшиеся клоны проклинали ее, когда их отправляли в полет, но она была счастлива, что на этот раз поднялась как минимум на пять метров в воздух/воду.

К сожалению, вода закрутила ее так быстро, что у нее сильно закружилась голова.

«Хм, работа еще идет» , — подумала она, хихикая от ощущения.

«Тебе следует надеть пальто», — произнес спокойный голос из-за леса, когда ошеломленная девушка попыталась удержаться на ногах.

«Ты снова меня поймал», вздохнула Мито, подойдя к молодому человеку, взъерошивая свои длинные гетерохромные волосы. Она была уверена, что Чирику старше ее; он определенно был выше, но это не о многом говорило, учитывая, как различались темпы роста подростков на протяжении и даже после полового созревания. Однако он начал терять волосы, что говорило ей о том, что ему, вероятно, было по крайней мере около подросткового возраста, если не старше. «Сдашь меня на этот раз?»

«Я не вижу причин для этого», — ответил Чирику, изучая младшую девушку. Хотя он плохо помнил свою мать, она была грозной куноичи, и в отличие от большинства своих братьев, он не видел причин отговаривать женщин от тренировок в бою. Ему не нравилась идея, что кто-то сражается, но он считал, что и мужчины, и женщины должны иметь возможность защитить себя и тех, о ком они заботятся. «Здесь можно простудиться».

«Сомневаюсь», — вздохнула Мито, вспоминая, как однажды Кьюби сказал ей, что у него нет другого выбора, кроме как оставить ее в живых. (Она заставила себя посетить Кьюби, даже отметив это в своем календаре, несмотря на его ненависть к ней.) В другой раз, когда она была в ужасной депрессии, она пошла к нему в назначенный день, и он поклялся сохранить ей жизнь и здоровье, как бы она якобы ни желала смерти.

Просто назло мне!

И она не желала смерти! Ладно, возможно, ей не хватало того, чтобы ее изнеживали, когда она (редко) немного болела, но это все: не более того!

Эта проклятая лиса...

«Все равно я склонна к перегреву», — сказала Мито, ускоряя расход чакры, чтобы не замерзнуть.

Чирику цокнул языком. «А я думал, что ты ответственный ниндзя-медик».

«Я тоже так думала», — пробормотала она скорее себе, чем ему, прежде чем широко улыбнуться ему. «Я подлатал тебя, когда ты в последний раз сломал руку». Мито не смогла полностью вылечить ее, но она наложила шину и в конечном итоге смогла следить за переломом и пластинками роста, пока его рука заживала. В каком-то смысле именно благодаря его потребности она теперь снова могла выполнять диагностические техники. «Какую тренировку ты проходил — ДЕЛАЕШЬ ли ты — посреди ночи, чтобы довести себя до такого плачевного состояния?»

Чирику оперся на дерево, скрестив руки, решив сказать ей правду. «Техника, которую я создал. Во сне мне пришла в голову идея: комбинация тай и гэндзюцу», — сказал он, радуясь, что довольно агностичная молодая женщина не высмеяла то, как он воспринял эту идею. «Вы тактический мыслитель: блудная куноичи с умом, ориентированным на науку...»

— Воу, воу, воу, — перебила Мито, лениво взмахнув рукой и покачав головой. «Я не вундеркинд. Я могу быть дочерью и псевдоплемянницей одного — и другого: и эта структура предложения должна сказать тебе, что я не гений. И, не считая моего отца и Орочимару, я в первую очередь был воспитан теми, кому пришлось невероятно тяжело работать ради своих навыков. - Не то чтобы они не работали усердно, просто они работали!"

«И все же вы мыслите стратегически».

— Даааааа, — протянул Мито, желая, чтобы он перешел к делу. На улице было чертовски

холодно! Ей следовало принести пальто, но она не сказала ему об этом. Когда Чирику продолжал смотреть на нее, она могла сказать только одно. «Чувак: Меня не интересуют отношения». Когда Чирику выглядела ошеломленной и осмелилась сказать это: немного испугавшись, она поняла, что неправильно поняла его возможные намерения. «Ано», сказала она, радуясь, что было темно, и потеряла затылок, «неважно, что я это сказала!»

Чирику закрыл глаза и посмотрел на небеса. «Вы знаете, что все монахи дают обет безбрачия».

«Да», — молчаливо согласилась Мито, но это все равно не остановило отвратительную похоть, которую я ощущаю в некоторых из них. «Значит, я сбилась с пути! Извините за это», — сказала она приятно, отвлекая свои мысли от тех пожилых мужчин, которые в последнее время начали смотреть на нее «по-другому» — и часто. «Холодно. Нам обоим пора идти», — сказала она, скрепя руки на развивающейся груди и желая, чтобы она не была мокрой.

— Согласен, — сказал Чирику, отворачиваясь. Он подождал, пока она присоединится к нему, пока они возвращались в комнаты и казармы. «В обмен на помощь мне в развитии моей техники я готов спарринговать с тобой».

"Серьезно?" — заинтригованно спросил Мито. Прошло ДОЛГО время с тех пор, как она могла спарринговаться с кем-то еще!

«Хай. У меня мало знаний о гендзюцу, но это важно для моей техники», — сказал он разочарованно.

«У меня... проблемы с гендзюцу», — сказала она, тоскуя по тем дням, когда иллюзии были проще простого, до того, как она стала джинчуурики. «Но я знаю основы и могу помочь тебе», — продолжил Мито, надеясь, что он все равно согласится.

«Я уверен, этого будет достаточно», — сказал он, когда они впервые пришли в ее комнату. — Спокойной ночи, Мито-химэ.

— Блех. Просто Мито или Мито-чан, пожалуйста, Чирику-сан.

«Тогда зови меня просто Чирику».

«Очень хорошо, Чирику. Спокойной ночи».

Мито, однако, была удивлена тем, что он охранял периметр помещения для прислуги, куда она отправилась принять теплый душ. «Тебе не обязательно было этого делать», — сказала она, обнаружив его снаружи.

«Никогда нельзя быть слишком осторожным», — сказал он, бросив с отвращением взгляд на одну из резиденций старейшины. Мито заметил это и почувствовал, как ее доверие к нему немного выросло.

Однако она еще более настороженно относилась к старому монаху, который жил там.

«Это тот день месяца? День, когда моя тюремщица дарует мне свою милость с визитом? Уже?» — саркастически протянул лис, скаля зубы в чем-то очень непохожем на настоящую улыбку.

Мито знала, что по-настоящему он улыбался только тогда, когда угрожал разорвать и разжевать ее на куски. — Думаю, да, Кьюби-сама.

"Что ты хочешь?" — сухо спросил он. И почему этот урод продолжал это делать? Во-первых, он хотел спать и забыть, что он застрял внутри третьего Узумаки и ВТОРОГО Мито, ради Сейджа. Второе: в своей жалкой жизни двое других рыжих сказали ему по одному предложению каждый, не считая того, что Кушина иногда ругала его.

Этот паршивец никогда не оставлял его в покое.

«Ты знаешь, чего я хочу. Я бы хотела подружиться с тобой или хотя бы помириться», — объяснила Мито как минимум в двадцатый раз. «Я также хотел бы заручиться твоей помощью в охоте на Обито. Ты не заслужил того, через что тебе пришлось пройти, и я тоже...»

«...И мы оба находимся в незавидном положении, проживая остаток нашей жизни вместе. Да, человек: я слышал это раньше. Ты тот, кого ваш вид называет сломанным, проклятым проигрывателем».

«Думаю, да», — сказала Мито, садясь. Ее подвал... э-э, подвал ее Дворцов разума представлял собой один странный притон. Кьюби находился за морем тонких решеток, закрытых печатью Сандайме-самы. Перед решеткой была половина стены, которая выглядела так, будто принадлежала кабинету врача, но имела полупрозрачную панель, поднимающуюся до потолка — настолько высокую, что она не могла ее видеть. Прозрачная панель была либо прозрачной, либо фиолетовой, внутри которой плавало красное фуиндзюцу. Печать Джирайи была большой и закрывала часть нижней стены. Это выглядело как высокотехнологичное, многократно запечатанное защитное устройство от чихания: такое, через которое дзюцу, вероятно, не смог бы пройти, хотя однажды она уже приземлялась между решеткой и стеной.

Когда она злилась, она случайно направила большую часть чакры Кьюби. К счастью, Джирайя появился, казалось бы, из ниоткуда, наложил печать на ее голову, а затем вскоре ушел. Когда она проснулась, она вернулась к себе, временно полностью запертая в своем сознании, с сигнализацией в ее комнате, которая срабатывала всякий раз, когда она направляла слишком много демонической энергии.

Эта тревога была последней попыткой заставить ее контролировать себя, и хотя Мито не могла найти другой печати на ее теле, она задавалась вопросом, позволяет ли татуировка АНБУ, которую Джирайя нанес ей много лет назад, появиться кому-то, как по волшебству, чтобы дать пощечину. печать на ее голове, если она выйдет из-под контроля.

«Наша ситуация ни в коем случае не идеальна, Кьюби-сама», — сказала она, глядя на потолок их общей комнаты. «Ты не был запечатан должным образом, и я не был должным образом подготовлен к тому, чтобы стать джинчуурики, когда думал, что смогу сделать это без проблем. И ты знаешь, мне бы вообще не хотелось, чтобы тебя запечатывали, но ты хотел Убить всех...»

«Абсолютно все», — засмеялся он. «Вы, грязные людишки, презренны и ничего не знаете».

— Я, — начал Мито, но затем мрачно усмехнулся. «Прожив дольше, вы, вероятно, знаете больше, чем мы, и некоторые из нас определенно такие, как вы говорите. Я здесь, если вы хотите, чтобы кто-то прислушивался к вашим мыслям», — искренне сказала она, затем сложила руки, как будто чтобы остановить его. «...Не то чтобы тебе нужно было продолжать говорить о своей ненависти ко мне или человечеству: в этом ты меня убедил».

Лис нахмурился, но только закрыл глаза и положил голову на руки, заставив ее встать, чтобы увидеть его лицо. Еще больше фуиндзюцу пронеслось по самолету, и он на мгновение загорелся фиолетовым. Она прислонилась к нему головой: оно действительно было похоже на

гибкое стекло. Она также задавалась вопросом, почему она каждый раз пыталась убедить его почти одними и теми же словами. Но что она должна была сказать?!

Уставшая, она говорила от всего сердца, задаваясь вопросом, будет ли это иметь значение.

«Я не хотела поступать так с тобой, со всеми... Я не могу начать с самого начала, но мы можем начать с последнего события, которое произошло, и двигаться назад», - сказала она, заметив, что один Глаза лисы открылись, как она надеялась, с интересом. Она скрестила пальцы, спрятав их за твердой нижней половиной стены, вопреки всякой надежде надеясь, что он придет в себя.

«Я знаю, ты веришь, что ЭТОТ человек освободил тебя в ту ужасную ночь, но я доверяю своим чувствам, и это был ОБИТО », — заявила она снова; горячая ярость пульсировала в ней, когда она думала, как Обито со всей этой ненавистью выбрасывает руку, управляя лисой, чтобы убить ее семью. В ее комнате сработала сигнализация, и она приняла медитативную позу, не желая пока покидать свое сознание.

«ЭТОТ человек», конечно, было кодовым обозначением Учихи Мадары (имя, которое она уже знала лучше, чем произносить), и независимо от того, насколько Кьюби был убежден, что Обито — это Мадара, Мито знала, что это неправда.

Через несколько минут она снова встала и заглянула в клетку, не заботясь о том, насколько сильно это заставило Кьюби ворчать. — Но ты прав, Кьюби-сама. Обито должен был у кого-то научиться этой технике, не так ли?

Кьюби снова взглянул на нее. Он смотрел пристально, но в то же время был спокоен, чего Мито редко испытывала, когда находилась перед ним. «Не хочу показаться одержимым местью засранцем, но... я хочу покончить с ними обоими». Она низко поклонилась перед клеткой, зная, что он не может ее видеть, но веря, что он знает, что она делает. — До новых встреч, Кьюби-сама.

Курама снова опустил голову, думая о том, что она сказала. «Как будто у тебя есть шанс против любого из них, паршивец».

Однако он решил посмотреть и подождать: она была не без таланта. Возможно, однажды она будет готова. Тогда он мог бы заключить с ней договор, связанный чакрой, но только если это его устраивало. Больше, чем он хотел жить, он хотел убить этого человека, хотя бы по одной причине, кроме как отомстить и защитить своих братьев и сестер.

Минато откашлялся, взглянув на Какаши-куна, который показал, что ему нужно отступить и прекратить рычание. Он считал Какаши своей правой рукой, и хотя Асума-кун, возможно, был немного более неуважительным, чем обычно, Какаши нужно было контролировать себя в таких офисных ситуациях.

«Остальные извиняются. Асума-сан, вы останетесь», — приказал он команде, вытаскивая папку со стола. Когда Минато снова поднял голову, он увидел, что младший ребенок Сарутоби крутит незажженную сигарету. Способный стать отличным шиноби и получивший звание Джонина через год после нападения Кьюби, Асума жил в тени своего старшего брата и все еще скорбел о смерти своей семьи в результате нападения демона.

Сарутоби Асума тоже превращался в язвительного молодого человека.

А что касается личной жизни, ему нужно было бросить пить.

«Давайте поговорим свободно. Вы не уважаете меня как своего Хокаге и не желаете служить под моим началом». Глаза Асумы вылезли из орбит, прежде чем он быстро заморгал.

— Нет! Я имею в виду, да! Я, конечно, уважаю вас, Хокаге-сама. Я просто... прошу прощения, если мой тон был непрофессиональным. Он знал, что его отчет о миссии был быстрым и точным, но не осознавал, насколько грубо он был, когда отвечал на вопросы своего Хокаге по этому поводу. Намикадзе Минато уже не был таким терпеливым, добрым и, смею сказать, веселым, как раньше, и был последним человеком, которого он когда-либо хотел разозлить.

«Его проблема» заключалась в том, что он только что увидел этого придурка Данзо, что напомнило ему, почему он не уважал некоторые вещи в своем отце – а его отец был мертв, отдав свою жизнь за деревню, и его следует рассматривать как героя. Вещи, которые он нашел в кабинете своего отца, вещи, которые касались «старого друга» его отца, были запечатаны его старшим братом, и Асума действительно хотел сообщить об этом своему Каге. Хидеки, его в остальном преданный и одержимый АНБУ брат, только что поселился с милой женщиной-полуучиха, и Асума не хотел полностью разрушать его жизнь.

Немного испортить? Может быть. Заявить, что его последний живой, кровный родственник, ближайший родственник скрывал соответствующую информацию от своих Каге, и потенциально из-за этого отрубить голову своему брату? Нет.

Его единственным выходом было найти то, что Хидеки сделал с файлами, и превратить их в Йондаиме. — Простите меня, Хокаге-сама.

Он также был наблюдательным, и любому порядочному шиноби было ясно как день, что Намикадзе Минато не любил Шимуру Данзо.

Зачем ему это? Зачем кому-то? Почему его отец позволил этому человеку сойти с рук так много?!

— Я сделаю это, Асума-сан, и у меня есть задание, которое может быть как раз для тебя, — сказал Минато, просматривая папку на своем столе. «Это долгосрочная перспектива. Даймё решил, что он чувствует себя в большей безопасности с ниндзя из Конохи в своей охране; чувствует, что кто-то из наших рядов может поделиться технологиями и усилить его безопасность, и тому подобное». Блондин вздохнул и потер глаза. «Я буду честен: мне тоже нужны глаза там. Я назначил Чунина высшего уровня, но, поскольку она молодая леди, боюсь, она не получит того уважения, которого заслуживает».

«Понятно. Спасибо за эту возможность, Хокаге-сама», — искренне сказал Асума. «Как долго меня не будет?»

«Минимум пять лет, а для тебя максимум семь».

У Асумы перехватило дыхание. Это было долгое время отсутствия, но миссии шиноби, безусловно, могли продлиться дольше. Благодаря отцу (с тех пор, как его папа был правящим Хокаге) он имел некоторый опыт работы в столице и даже с охраной даймё, поэтому, как он полагал, именно он и был выбран для этого. Он также хотел доказать свою преданность и ценность. То, что сделал Хидеки, действительно пошатнуло его веру в себя как в верного шиноби. Это также заставило его задуматься о своей семье, и это заставило его чувствовать себя ужасно. Он знал, что Хидеки пытался защитить наследие своего отца, но разве он не видел, что его действия также защищали Данзо?

А Данзо был чертовски опасен!

— Я знаю, что нужно о многом подумать, Асума, — сказал Хокаге, снова привлекая полное внимание Асумы. «Это может стать прекрасной возможностью для вашей карьеры, и вы сможете вернуть некоторые методы монаха».

— И разведанные о Пожарном дворе, — ухмыльнулся Асума.

«Ах, я знал, что ты умный молодой человек», — воскликнул Минато, постукивая по папке на своем столе. «Мне также нужно, чтобы ты вел себя как можно лучше, если примешь это задание, Асума-сан. Я буду честен: мне нужны друзья в столице».

«Ты мой друг?» Затем Минато спросил.

Голубые глаза Хокаге-самы были подобны льду, пронзившему его душу. «Действительно, сэръ», — сказал Асума, почти смущенный тем, что он так рьяно выступал перед оставшимся АНБУ, Хатаке. Конечно, этот парень так уткнулся мордой в задницу Хокаге, что был уверен, что носит свою постоянную нижнюю маску, чтобы скрыть свой коричневый нос.

А Хатаке действительно нужно было спрятать свои чертовы волосы! Ради Ками, любой здравомыслящий человек, который видел Ину, знал, что он Хатаке Какаши.

«Хорошо! А теперь: что ты думаешь о моей дочери?»

Асума хотел нанести удар лицом. Сколько раз этот самый гениальный, гениальный, щедрый, добрый, Убивший тысячу ниндзя Ива за одну ночь (ага) Кейдж задавал ему этот вопрос? Он протер глаза и невольно громко вздохнул.

— Храбрый сверх всякой меры, — наконец ответил Асума, думая о том, как Мито в ту ужасную ночь побежал в сторону лисы, вопреки приказу. Хокаге сказал, что с Мито все в порядке, и он должен был ему поверить: по крайней мере, во время массовых похорон ее фотографии не было. «И как я уже говорил вам, Хокаге-сама: у меня нет романтического интереса к Мито-тян, которая, кстати, была маленькой девочкой, когда я видел ее в последний раз. И хотя она сейчас старше, мы были слишком близко росла. И ты сказал мне, что с ней все в порядке...»

Хокаге покраснел, смутившись теперь, что он был таким властным, когда они были маленькими (начиная с того, что им было 2 и 6 лет, насколько он мог вспомнить - и, возможно, он даже пытался напугать мальчика, когда Мито был новорожденным).

И он имел в виду не это! — Да, но нет, Асума-сан: я не это имел в виду. Я хочу знать, верен ли ты Мито-химэ.

— Конечно, — Асума легко пожал плечами, а затем пристально посмотрел на Какаши, который, казалось, был слишком заинтересован тем, как этот разговор отклонился. «Как я мог не быть?»

Минато грустно посмотрел на него, прежде чем откатиться к стене в кресле, закрыл глаза и расслабился.

Асума пожалел этого человека. Жена Йондайме-самы ему тоже очень нравилась. Йондайме выглядел так, будто за последние 4-5 лет он постарел на 15 лет. К тому же его ребенок был ненормальным. На самом деле они оба были...

— Мито в Храме Огня, — почти прошептал Минато, к шоку и своего ученика, и Асумы. «Соответствующая информация включена в файл. Я попрошу жабу передать ей информацию,

чтобы передать ее вам, когда это необходимо. Вы можете передать мне разведанные с помощью своих обезьян?»

Асума поморщился, сожалея о том, что собирался сказать. «На самом деле я не подписывал контракт».

«Ах. Что ж, пришло время это сделать! Хидеки-сан в деревне, так что сейчас самое время. Я знаю, что твой отец гордился тобой, Асума-кун. Он был бы рад, если бы ты принял участие в призыве великое обезьянье племя».

— Спасибо, сэр, — сказал Асума, забирая файл у своего начальника. «Когда я уеду?»

«Одна неделя. Я не знаю, что Король Обезьян Энма приготовит для тебя, Асума, но удачи с ним!»

"Да спасибо."

«Еще кое-что. Это копия. Сожгите всю информацию Мито сразу после ее прочтения».

"Конечно, сэр."

Асума ушел, а Хокаге обратился к своему оставшемуся верному ученику. «Следуй за ним и оставайся вне поля зрения. Я хочу знать, как он отреагирует, когда узнает некоторую информацию от Мито. Мне нужно, чтобы ты рассказал мне все, Какаши. Но. Не надо. Читай. Этот. Файл».

«Хай!»

— Хидеки, нам нужно поговорить, — сказал Асума, войдя в квартиру брата. «В конце концов, мне нужно подписать контракт, и когда я вернусь из мира призыва, нам нужно поговорить о твоей лояльности Конохе, а не только Попсу!»

<http://tl.rulate.ru/book/96211/3296474>